
Борис Шалагинов

Гете и Шеллинг

Задача данной публикации — привлечь внимание к возможности близкого сопоставления двух имен — Й.В.Гете и Ф.В.Й.Шеллинга. В нашей науке до недавнего времени оба имени находились на двух противоположных идеологических полюсах. Предубеждение восходит еще к “Романтической школе” Гейне, который изобразил Шеллинга как “павшего медиатизированного философа”, поливающего “завистливой бранью” Гегеля и стремящегося “всеми силами своего ума оправдывать католическую религию”. В известной статье Энгельса, написанной по горячим следам прослушанного им лекционного курса Шеллинга (в 1841-1842 годах), оценка философа по существу совпадает с гейневской. И если Шеллинг не мог претендовать на надлежащее внимание сам по себе, то тем более его имя не могло быть поставленным рядом с именем Гете в силу бытовавшей в советской науке традиции резко разводить Просвещение и романтизм. Хотя идеологические табу ныне с этой темы сняты, в научном плане задача не только не решена, но даже и не поставлена.

Между тем в западной науке Гете и Шеллинг давно рассматриваются в одном духовно-историческом контексте, о чем свидетельствует, например, классическое исследование Г.А.Корффа “Дух гетевской эпохи”. Впрочем, и там Шеллинг рассматривается как одно из имен в ряду прочих философов, без какого-либо особого предпочтения.

Моя же задача — показать, что Шеллингу принадлежит особое, среди многих других философов, место в творчестве и жизни Гете. Вопрос о близости двух великих людей можно рассматривать в таких аспектах. 1. Личные взаимоотношения, которые носили не менее яркий характер, чем отношения между Гете и Шиллером. 2. Философское влияние на творческие, в т.ч. естественнонаучные занятия Гете. 3. Близость эстетических взглядов и философских основ творчества. 4. Наконец, Шеллинг может рассматриваться как один из прототипов образа Фауста, а его философия природы — как один из импульсов для соответствующих сцен драмы Гете, а шеллинговская философия (тождества) — как основа всей философско-поэтической концепции “Фауста”.

Коснемся отдельных аспектов заявленной проблемы.

Изучение переписки Гете и Шиллера оставляет впечатление, что Шиллер просто ревновал своего великого друга к Шеллингу и оттого нередко пытался укрепить Гете в его скептическом отношении к некоторым идеям этого философа. Причем делал это довольно своеобразно: внушал Гете мысль, что тот сам, не хуже всех философов, разбирается в тонкостях трансцендирования и дедуцирования. Гете отвечал на такие сентенции сдержанно, он не желал ссориться ни с

Шиллером, ни с Шеллингом. Несомненно, Шеллинг чувствовал такое к себе отношение со стороны Шиллера. Этим объясняется его холодность к последнему. Так, Шиллер жалуется Гете на “обычную необщительность и замкнутость” Шеллинга, общение с ним на философские темы не получается, сводится лишь к встречам за ломберным столом, не более того.

Шиллер стоял на позициях кантианства, а Шеллинг тяготел к спинозизму. Шиллер осторожно пытался приобщить Гете к кантианству, а Шеллинг, который был вдвое моложе Гете, вообще не мог надеяться всерьез на него повлиять. И все же переписка между ними показывает, что Гете с большим интересом воспринимал как раз идеи Шеллинга, нежели кантианца Шиллера. И это задевало самолюбие последнего.

К чести Шеллинга следует сказать, что он не обращал внимания на противодействие Шиллера. Лишь однажды он осмелился подчеркнуть свои права на дружбу с великим поэтом, когда, издавая в 1830 году лекции по философии мифологии, велел типографу напечатать их в том же формате и тем же шрифтом, что и книгу переписки Гете и Шиллера.

В отличие от других иенских романтиков, Шеллинг до конца сохранил к Гете дружеское расположение. Он посвящал его во все перипетии своих личных отношений с Каролиной Шлегель; когда умерла дочь Каролины от первого брака, он написал Гете в письме, что умерла его дочь. Когда Шеллинг после смерти своей жены решил вторично жениться, он постарался узнать мнение Гете о своей избраннице. Гете, со своей стороны, внимательно наблюдает историю взаимоотношений между Шеллингом, Шлегелем и Каролиной, в итоге создает роман “Избирательное сродство”, даже в названии которого использовал шеллингианскую терминологию.

Столь же содержательным и ярким было творческое общение этих двух великих людей. Правда, когда Шеллинг послал Гете в 1798 г. “Идеи к философии природы”, поэт сначала воспринял книгу как простое развитие идей малосимпатичного ему Фихте. Но личная встреча с 23-летним философом, состоявшаяся вскоре, очаровала поэта. Он записывает: “Для меня он будет сильным стимулом в моей работе”. В 1800 году, прочитав очередную работу Шеллинга, Гете пишет ему: “Я редко испытываю влечение к той или иной теории, но к Вашей я несомненно испытал его”. О диалоге “Бруно” Гете пишет: “То, что я понимаю в нем (или думаю, что понимаю), превосходно и соответствует моим глубочайшим убеждениям”. Оговорка в этой цитате характерна: не всегда поэт понимал ход мыслей философа, но общность взглядов была налицо. Об этом свидетельствуют слова о другой работе Шеллинга: “Как будто идешь в сумерках по знакомой дороге, ориентируешься безошибочно, хотя окружающих предметов не видно”.

Здесь необходимо коротко коснуться философских взглядов Шеллинга. В дни сближения с Гете тот был близок к позициям Спинозы. Однако барочный, фатальный характер системы великого голландца

был в принципе чужд ему. Человек у Спинозы рассматривался как безличная часть мироздания; более того, Спиноза понимал мир как раз и навсегда созданный и не подлежащий никаким изменениям. Иными словами, мир в философии Спинозы рассматривался как механизм. Шеллинг, позаимствовав у Спинозы в качестве ведущей идею природы, стал рассматривать мир как организм. Это был чисто романтический подход. Идею органического понимания мира Шеллинг нашел у своего учителя Фихте. Отсюда следовало несколько важных выводов.

Так, мир был представлен в виде бесконечного, непрерывного, активного процесса становления и развития. Это расходилось с идеей “раз и навсегда сотворенного мира”. Кроме того, развитие мира логически обуславливало возникновение человека, сознания, искусства; таким образом, человек не уравнивался с безличными вещами, как в барочной философии, а возвышался над ними. Философия Канта, Фихте, Шеллинга — это апофеоз человека и сознания. Высшей формой сознания Шеллинг считал творческое сознание, которое не только познавало, но и опредмечивало в образах, символах сокровенные тайны мира, его скрытую от созерцателя сущность. Разумеется, акт творчества рассматривался исключительно в идеальной, субъективной сфере, в сфере фихтеанского “Я”, но зато это “Я” было ничем не ограниченным. Отметим еще один аспект. Как бы ни относились по-разному Гете, Шиллер, Шеллинг к идее фихтеанского творящего “Я”, все они рассматривали реальность (природу) как один целостный организм, в котором все его части выступали как своего рода органы, и не только взаимосвязанные, но и взаимно обуславливающие друг друга. Устранение из поля зрения хотя бы одного из факторов приводило к искажению целого; нарушение равновесия в чем-то одном приводило к разрушению всей природы. Гете как-то написал, что понимание некоторых аспектов теории цвета позволяет правильно понять древнегреческую трагедию. Это типичный образец органической эстетики.

Идеи юного Шеллинга были с восторгом восприняты Гете, они отвечали его собственным убеждениям язычника, творца, интеллектуала, естествоиспытателя. Впервые ознакомившись с трактатом Шеллинга о природе, он пишет Шиллеру, что ему важно уяснить некоторые пункты этого трактата (6.01.1798). Как уже было замечено, Гете не всегда воспринимал философский язык Шеллинга, особенно те стороны шеллингианского идеализма, которые требовали рассмотрения природы как продукта сознания. Но это было скорее расхождение философского и поэтического восприятия мира.

Гете отметил для себя у Шеллинга новую трактовку понятия “Природа” — не аристотелевскую, а чисто романтическую, этически и эстетически ценностную. Аристотелевская природа-реальность не могла пробудить к себе интимно-доверительных чувств; но природа романтическая — безусловно да!

Гете действительно берет у Шеллинга свое, оставляя в стороне умозрительное, узко философское. Тема природы в новом качестве входит во многие произведения поэта с конца 1790-х годов. Особенно

характерно это для второй части “Фауста”. Первый монолог Фауста там заканчивается словами, которые можно трактовать и в духе философии тождества Шеллинга, и в духе учения о цвете самого Гете:

*Вода шумит, скача через преграды (...)
И яркой радуге окрестность рада,
Которая игрою семицветной
Изменчивость возводит в постоянство (...).
В ней наше зеркало. Смотри, как схожи
Душевный мир и радуги убранство!
Та радуга и жизнь — одно и то же.*

(Тут и далее перевод Б. Пастернака)

Здесь, в духе философии Шеллинга, поэтически сближаются, отождествляются неживая природа и жизнь, изменчивость и постоянство, разнообразие и полнота душевной жизни — и красота и разнообразие цветов радуги. Вся сцена изображает успокоение, сон и пробуждение Фауста на лугу, но точно так же — это сцена засыпающей и бурно пробуждающейся при восходе солнца природы. Гете поэтически сближает эти два события, показывает их в плане поэтического параллелизма. Человек включен в органическую систему природы, он её часть, поэтому все, что происходит в природе, моментально находит отклик в душе человека — на более высоком уровне:

*Ты пробудило вновь во мне желанье
Тянуться вдаль мечтою неустанной
В стремленье к высшему существованью.*

Идея становления и идея тождества могут считаться основой поэтики второй части “Фауста”. Шеллингианская идея тождества времени и пространства находит своеобразное воплощение в поэме: герой путешествует по историческому и мифическому прошлому, он наблюдает возникновение мира из воды, спускается в земные недра к “Матерям”, чтобы у них найти изначальную сущность мира и воссоединить её с настоящим.

Сам образ Фауста предстает перед нами в процессе чистого становления. Становление — это тождество утверждения и отрицания. Отсюда принципиально новый подход к построению сюжета во второй части. Каждый акт представляет собой замкнутое целое со своим кругом персонажей, с завершённой сюжетной задачей. Это как бы этапы внутреннего, духовного становления Фауста. Каждый этап диалектически отрицает предыдущий. Все они располагаются по принципу, который Гете назвал философским термином “потенцирование”, т.е. своеобразное восхождение вверх по ступеням развития. Согласно взгляду Гете, для природы характерны два процесса: потенцирование и полярность. В гегелевском понимании — это не что иное, как снятие противоположностей в синтезе. Что касается потенцирования, то Гете приводит своего героя в V акте к качественно новому виду деятельности, а природе — к совершенно новому состоянию. Фауст осушает болотистую местность, отвоевывая у моря прибрежную полосу, чтобы воздвиг-

нуть на ней небывалый город. Подключается и время: Гете настойчиво подчеркивает в ремарке, что Фаусту около ста лет! Это уже вторая старость ученого, но на второй, более высокой ступени развития. На этот раз старость обогащает Фауста знанием высшей мудрости. Она — в служении тем, кто остается жить.

Что касается “полярности”, то поэт и её делает основой логики образа Фауста. У того есть “внешний” антагонист — Мефистофель, и “внутренний” — его ошибки, заблуждения, преступления. Но полярность нужно привести к единству. Согласно Шеллингу, она примиряется в творческом сознании, которому открывается высшая тайна бытия. Открывается она в виде мифа, символа. Высшая форма мифа, согласно позднему Шеллингу, это сами боги, или Бог. Вот почему сюжет гетевской поэмы устремляется к сцене в Эмпиреях одновременно в силу двух логик: поэтической и философской. В Эмпиреях Фауста окружают чистые мифологические сущности — духи, затем появляется Богородица и Маргарита, которая тоже превращается в символ. Заканчивается все произведение словами в духе Шеллинга:

Все быстротечное — символ, сравненье.

Цель бесконечная здесь в достижение.

Здесь — заповеданность истины всей.

Вечная женственность тянет нас к ней.

Это может означать следующее: все реальное — это проявление скрытой сущности, оно может служить разве что символом, образом; но в этом и заключается тождество сущности и существования; кантианскую “вещь в себе” Гете отбрасывает. “Цель бесконечная здесь в достижение” означает, что снимается противоречие между сутью и существованием. Это снова-таки идея тождества. “Вечная женственность” есть любовь, которая лежит в основе мира.

Вечная женственность представлена не в абстрактной форме, как у кантианца Шиллера, а в мифологической, символической, как учил Шеллинг. Это душа Маргариты, которая встречает Фауста у небесных врат и ведет выше.

г. Киев

